

С. Аревшатын

Социально-политические воззрения Григора Татеваци

Творчество крупнейшего армянского мыслителя-номиналиста Григора Татеваци (1346—1409 гг.) составляет одну из содержательных страниц истории средневековой армянской культуры. Оставленное им богатое философское и литературное наследство до сих пор, к сожалению, почти совершенно не изучалось.

Татеваци жил в самую мрачную и печальную в жизни армянского народа эпоху — эпоху татаро-монгольского владычества, экономической и политической деградации, эпоху грабежей, насилий и массового бегства армян из родной страны. Вынужденный вместе со своими учениками бежать с одного места на другое, спасаясь от разбойничьих орд Тохтамыша и Тамерлана, от нашествий туркменских племен, Татеваци не прекращал своих занятий, всячески стремясь сохранить достигнутый в предыдущие — Анийский и Захаридский — периоды уровень духовной культуры и продлить жизнь культурных очагов Армении — Татева, Апракуниса, Мецопы, Сагмосазанка.

Татеваци был выдающимся ученым с энциклопедическим для своего времени кругозором, оригинальным мыслителем-номиналистом, церковно-политическим деятелем, живописцем-миниатюристом. В философии Татеваци чувствуется дыхание античной философской мысли. Будучи средневековым теологом, представителем господствующей феодальной идеологии, Татеваци во многих важных вопросах расходился с библией и давал свои оригинальные толкования.

В исходном для средневекового философа вопросе соотношения веры и знания Татеваци уклоняется от признанной и освященной церковью установки. Придерживаясь теории «двойственности истины», он отделяет область философии от теологии, разграничивает сферу знания и веры. Теология, согласно Татеваци, безраздельно господствует в делах веры, основанной всецело на откровении. Постижение бога, как творца мира, начальной и конечной причины мироздания, возможно только лишь путем веры. Теология не вмешивается в дела знания. В свою очередь и знание не должно вмешиваться в дела веры. Объектом философии является природа, окружающий нас мир.

Отделением веры от знания Татеваци в условиях армянской средневековой действительности сделал большой шаг в деле секуляризации знания. Однако наряду со свободой философствования он сохраняет понятие ереси. Свобода мысли и слова, по Татеваци, действительно постольку, поскольку она не затрагивает области веры, предмета теологии. Знание,

вступающее в область откровения, таит в себе ересь, которую следует немедленно пресекать.

Соответственно разграничению сферы философии и теологии, Григор Татеваци признает две формы познания: «естественную», основанную на деятельности органов чувств и разума, и «благодатную», основой которой является вера. «Благодатная» форма направлена на постижение божественных истин, истин откровения, тогда как «естественное» познание — на постижение природы.

С позиций сенсуализма и номинализма Татеваци борется против реализма, культивируемого католической церковью. Ценность позиции номиналиста Татеваци в решении проблемы универсалий, вопроса о соотношении единичного и общего заключается в отказе от идеалистического отождествления бытия с сознанием, в признании первичности единичных сущих и вторичности общих понятий.

Однако номинализм, на позициях которого стоит Татеваци, с его материалистическими тенденциями — плохая подмога в деле оправдания и идеологической защиты армянской церкви, номинализм, который, по выражению К. Маркса, «вообще является первым выражением материализма»¹, первым проблеском материалистического мышления в средневековой схоластической философии. Субъективное желание Татеваци укрепить основы армянской церкви, используя в этих целях философию, находилось в противоречии с его философским творчеством, с его номинализмом и материалистическими тенденциями.

* * *

Противоречия, присущие мировоззрению Татеваци, с наибольшей яркостью выступают в его социально-политических взглядах. Здесь Татеваци с одной стороны оригинальный и передовой для своего времени мыслитель, выступающий против деспотизма и феодальной междоусобицы, защитник идеи национальной независимости и сторонник ограждения народных масс от произвола и жадности господ, а с другой стороны это монастырский вардапет, побаивающийся народных движений и призывающий пресекать ереси, оправдывающий феодальную иерархию и господство светских и духовных феодалов над народом.

Для Татеваци феодальный строй и сословная иерархия являются неизменным, вечным, божественным установлением. Он и не представляет себе иной строй, иные отношения, чем те, которые существуют между феодалом и крепостными, сюзереном и вассалом. Чем прочнее и устойчивее будут эти отношения господства и подчинения, тем прочнее будет общественное равновесие. Феодальная иерархия, по Татеваци, построена по типу той лестницы подчинения, которая царит на небе. Светские и духовные феодалы, стоящие на верхних ступенях иерархической лестницы, признают блюсти этот общественный порядок, который является отражением порядка, царящего в божественном мире. «Известно, — говорит Татеваци, — что на земле существуют двойные князья и судьи — духовные и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, стр. 157.

телесные, ибо человек состоит из души и из тела. Этим обоим бог дал правителя и владыку: священников как духовных судей, а предводителей и царей как телесных. И они являются подобием друг друга. Епископы подобны царям, священники — князьям, а низший ряд — различным воинам. Ибо великий Константин установил девять ступеней как для царей, так и для церкви, по подобию девяти рангов воинов — обитателей неба»¹.

Татеваци уподобляет общество организму, в котором каждый член выполняет строго определенную функцию и в выполнении своей функции нуждается во взаимодействии с другими членами, в их подчинении или господстве над собой. Для крепостных, простолюдинов, а также вассалов, подчинение является благом, ибо благодаря подчинению сюзерен и владыка осуществляют заботу о нуждах и защите своих подданных. Но и сам сюзерен, несмотря на то, что его функция в общественном организме заключается в руководстве и господстве, не может обойтись без своих подданных, ибо между ним и его подданными существуют такие же отношения, как между головой и остальными членами тела. Татеваци пишет: «...подобно тому, как разумное познание нуждается в ощущениях и посредством них познает цвет, слышит речь, ощущает запах и т. д., точно так же и для ишхана глазами, ушами и ртом служат подданные, ибо он все делает по их совету. И если тело нуждается в голове, то голова также нуждается в теле»². Конечно, Татеваци сводит свою мысль к тому, что общественная гармония будет зависеть от того, насколько послушным и лояльным окажется тело по отношению к голове, т. е. насколько подданные, народные массы будут смиренны и безропотны по отношению к феодальным владыкам — ишханам и церкви. И поэтому Татеваци считает ереси и народные движения против господствующего правопорядка источником смут и нарушением общественной гармонии.

Однако общественную гармонию нарушают не только ереси и народные движения, но и неумеренная жадность князей, которые самовластно правят страной и обирают народ до последней нитки. Из-за этой слепой жадности и невыносимого гнета народ бунтует, бежит из страны и рассеивается по овету. И поэтому Татеваци, как дальновидный идеолог духовных и светских феодалов, предлагает им умерить свои аппетиты, не разорять народ, ибо голова, т. е. феодалы, не может существовать без тела, т. е. народа. Эта гармония и неизменяемое соотношение между господствующими и эксплуатируемыми, феодалами и народными массами служат основой общественного благоденствия, основой существования феодального строя, освященного и санкционированного церковью.

Человек, по Татеваци, есть существо общественное, нуждающееся в общении и взаимодействии с другими людьми. Но Татеваци представляет человека лишь как члена феодального общества, находящегося на

¹ Гос. Матенадаран, рукопись № 1264, стр. 376а. Все приводимые в данной статье цитаты, взятые из рукописей Матенадарана и старопечатных изданий сочинений Г. Татеваци, даются в нашем переводе — С. А.

² Г. Татеваци, Книга проповедей (Летний том), Константинополь. 1741, стр. 423 (на древнеарм. яз.).

той или иной ступеньке феодальной иерархической лестницы, будь он мирянином или духовным лицом. «Человек не является самодовлеющим существом, — пишет Татеваци, — (люди) нуждаются в деятельности и во взаимной помощи, как это видно на примере деревень и городов, где мы соединяемся воедино и восполняем нужды друг друга. (Люди) должны советоваться друг с другом и находить истину, и подобно тому, как нуждаются друг в друге крепостной и парон, богатый и бедный, вардапет и ученик, точно так же и разум нуждается в предводителе и советнике»¹. Однако, соединившись в городах и деревнях, люди не должны стараться выйти из предустановленного им места, они должны поддерживать ту иерархическую субординацию, которая, по Татеваци, является извечной и естественной.

«Известно, — говорит он, — что существование человеческое состоит из трех частей: тела, дыхания и разумной души. И человек трояко проявляет себя (действует) в мире — телесно, дыхательно и духовно»². И тут же Татеваци приступает к определению этого своего разделения, т. е. разграничивает и указывает место, функции и потребности основных классов и сословий, присущих армянскому феодальному обществу.

Переходя к характеристике трудовых масс и определению их места в социальном организме, Татеваци пишет: «А телесную (жизнь ведут) бедняки, шинаканы-миряне (т. е. крестьяне). Они несут на себе три ярма служения. Это, во-первых, бедность, причем они связаны бедностью, как цепями. Во-вторых, это — труд. В-третьих, принуждение со стороны наильников-властителей. И поэтому они желают четыре вещи, то-есть иметь пищу, одежду, кров и приготовление для женитьбы. И этим довольствуются»³. Татеваци считает такое положение, когда крестьяне и вообще народные трудовые массы обречены на постоянный подневольный труд, естественным. Они созданы такими, что по природе своей должны проводить жизнь в поте лица и, будучи скованы цепями нужды, кормить феодальных сеньеров и духовенство. Татеваци рисует иерархическую феодальную лестницу и на самой низшей ступеньке помещает крестьян-шинаканов, несущих на себе всю тяжесть этой иерархической пирамиды. «Известно, — говорит он, — что по телу люди делятся на четыре разряда. Это, во-первых, шинаканы, во-вторых, азаты (дворяне-землевладельцы), в-третьих, ишханы (владетельные князья), в-четвертых, цари. И мы называем почтенных следующим образом — азатац азат, что есть князь, и ишханац ишхан (князь князей), что есть царь. А царь царей есть император»⁴. Поместив шинаканов в самом низу и назвав почтенными феодалов, князей и царей, Татеваци с первого взгляда якобы фиксирует существующее классовое деление феодального общества, но когда он тут же дает свое понимание духовного деления людей, то классовая сущность его воззрений сразу же выступает наружу. «Духовно же, — продолжает он, —

¹ Г. Татеваци, Книга проповедей (Летний том), стр. 423.

² Гос. Матенадаран, рукопись № 1264, стр. 3826.

³ Там же.

⁴ Гос. Матенадаран, рукопись № 1115, стр. 79а.

царем над всеми является бог, ишханами — ангелы, азатами — разумные люди, шинаканами — все животные»¹.

Таким образом, наделив крестьянство и трудовой люд лишь физической жизнью и отказав им в способности или же надобности заниматься духовным, нравственным творчеством, Татеваци совершенно недвусмысленно заявляет, что послушание и покорность являются благом для шинаканов и простого люда, ибо они, вследствие неспособности к духовной жизни, не могут сами устроить свою жизнь разумно, они нуждаются в опеке и заботе высших сословий, которые, однако, смогут осуществить эту заботу при условии, если шинаканы будут покорно нести ярмо подчинения и безропотно трудиться на своих «опекунов».

Однако часто случается, что эти «опекуны» злоупотребляют дарованной им свыше властью, притесняют и грабят из жадности простой народ, не оставляя ему, своему опекаемому, способному лишь к труду и физической жизни, минимальных средств к существованию. Но и в этом случае народ не должен протестовать, восставать против своих господ. Прихоти и жадность властителей должно умерять духовенство своими проповедями и наставлениями. Проводя параллель между волей и разумом, с одной стороны, и светскими князьями и духовенством — с другой, Татеваци пишет: «Имеются еще внутренние судьи. Это — разум, являющийся господином души и тела... Этот судья хотя и един как разум, но имеет двоякую способность, то-есть волю и познание, по подобию внешних земных судей. Ибо воля подобна ишханам и царям, которые обладают одним лишь желанием иметь все без разбору, ибо являются господами и владыками над страной, а познание подобно духовным судьям, которые обладают (способностью) мыслить и разбирать, подобно тому, как познание постигает и различает ложь от истины и зло от добра»². Как видим, Татеваци возносит духовенство и над светскими сеньерами-феодалами, и над эксплуатируемыми народными массами. Духовенство стоит выше них, ибо оно «отрешилось» от мирских страстей и забот и поэтому имеет право наставлять как шинаканов, так и князей.

Если князья и стоят выше шинаканов, то только потому, что они являются носителями воли — одной части разума. Духовенство же олицетворяет собою познание, которое находится выше воли. И поэтому Татеваци в социальной градации помещает феодалов посредине — между телом и разумом, т. е. между народом и духовенством. На основании этого он называет их, светских феодалов, сословием, ведущим, по его терминологии, жизнь по преимуществу «дыхательную». Татеваци строит эту схему по аналогии с установленным им же разделением души на растительную, животную и разумную части. Народ уподобляется им растительной душе, неразрывно связанной с деятельностью тела, проявляемой в питании и росте; князья и цари — с животной душой, основным признаком которой является дыхание и деятельность которой проявляется в гневе и желании; духовенство — с разумной душой, основная функция которой заключается в мышлении и познании.

¹ Гос. Матенадаран, рукопись № 1115, стр. 79а—79б.

² Гос. Матенадаран, рукопись № 1264, стр. 376а—376б.

Так вот, задача духовенства, этой так называемой разумной души, состоит в том, чтобы уравнивать крайние стремления власть имущих, поучать их, дабы они не злоупотребляли дарованной им богом властью и не возмущали народ. Татеваци пишет: «Дыхательную (жизнь) ведут те, которые являются богатеями (*dēdshinnib*), царями и ишханами. Они владеют теми, кто ведет жизнь телесную, и не знают меры, а всегда и во всем стремятся к большему. Так, если обладают богатством, застребают еще больше; если являются владыками (ишханами) деревни, стремятся стать владыками города и края; если имеют блестящий наряд, мечтают быть одетыми в более нарядные и роскошные одеяния. Точно так же и в еде, в питье, в женитьбе и во всем остальном требуют большего. Не знают они пресыщения и всегда жаждут. И поэтому их следует наставлять согласно Соломону — вы, которые желаете тронов и владений, уважайте мудрость, то-есть вселите в себя раздумье о боге, дабы царствовать вовеки, вместо этого (земного царствования), которое проходит. И поэтому говорят вардапеты, что по многим причинам следует ишханов наставлять больше, чем других»¹.

Татеваци осуждает феодальные распри и узкоэгоистическую политику господствующих классов, в том числе и определенную часть духовенства, которые своей алчностью и неразумной, чрезмерной эксплуатацией вызывают недовольство народных масс, бегство крестьян, обнищание хозяйства и тем самым подрывают основу, на которой строится их благополучие. Татеваци прямо называет захватчиков-монголов и армянских князей, обирающих народ и разоряющих страну, насильниками и ворами. «Воровство, — говорит он, — имеет различные формы. Так, например, тот, кто тайком уносит имущество из чьего-нибудь дома, называется вором. Обирателем называется также тот, кто занимается торговлей, ибо покупая по меньшей стоимости и продавая дороже, он становится вором и обирателем»². После этого более или менее общего определения Татеваци, обращаясь к современной ему армянской действительности, конкретизирует свою мысль: «А тот, кто является деревенским головой (старостой) и обирает деревню, является вором для всей деревни...»³. Тираны (т. е. захватчики-монголы) и ишханы, творящие беззаконие над бедняками, являются грабителями»⁴.

Разумеется, Татеваци не выступает против феодальной эксплуатации, не протестует против «обычного» экономического и внеэкономического принуждения по отношению к крепостным крестьянам и ремесленникам. Он призывает феодалов для их же безопасности и дальнейшего благополучия придерживаться освященных законом и традициями рамок эксплуатации. Грабежом и воровством он называет выход из этих рамок.

Искоренение пороков и пресечение жадности князей, по Татеваци, принесет обществу исцеление от разрухи, неурядиц и борьбы. «Во-пер-

¹ Гос. Матенадаран, рукопись № 1264, стр. 383а.

² Г. Татеваци, Книга проповедей (Летний том), стр. 25.

³ В период монгольского владычества старостами в деревнях становились армянские князья, лишённые монголами своих владительных прав.

⁴ Г. Татеваци, Книга проповедей (Летний том), стр. 25—26.

вых,— говорит он,— когда исправляется ишхан, то вслед за ним и все, находящиеся под его властью, исправляются в соответствии с ним, ибо он владыка и в силах своей волей наказывать подвластных или исправлять, как, например, дурные и благочестивые цари»¹. Когда грешит простолюдин, то это не так опасно, так как он, не обладая властью, вредит только себе, его греховность замыкается в нем самом, тогда как испорченность владыки, наделенного властью, представляет общественное зло, «ибо греховность ишхана равняется греху, совершенному царем в целом»². А то, что господствующие классы более склонны к пороку, чем простые труженики, по Татеваци, является очевидным фактом, и поэтому проповедники должны неустанно и рискуя собой наставлять их и учить добродетели. Он пишет: «...мирские заботы и мечты о величии больше владеют ишханами; поэтому их необходимо больше наставлять и во всякое время заставлять слушать. Но они грозно властвуют над множеством людей и вследствие этого проповедники боятся их и не могут говорить правду (в лицо), и поэтому необходимо бесстрашно проповедывать им жизненную мудрость. Ишхана все более и более обуревают гордость, ибо он стоит над массами народов и войск, и поэтому его больше (чем других) следует приводить к смирению, послушанию и благоразумию»³. Далее он говорит: «Ишхан больше (чем другие) предаст забвению божеские законы... ишхан ради взятка забывает их; как говорится, взятка делает зрячих слепыми и одолевает их страхом и тревогой»⁴.

Видя бедственное положение задавленных гнетом и нищетой народных масс, Татеваци склонен оправдывать их грехи, так как массы идут на это не из жадности или прихоти, а из нужды. «Простолюдин,— пишет Татеваци,— достоин прощения и пощады, ибо входит во грех не по собственной воле, а под давлением нищеты, и, как говорится в притче, ворует, чтобы заморить свой голод. Тогда как ишхан входит во грех по своей воле, ибо ни в чем не ведает нужды, и поэтому заслуживает вдвое большего наказания в потусторонней жизни»⁵.

Здесь, как видим, во взглядах Татеваци нашло своеобразное отражение массовое недовольство народных масс, вызванное грабительской политикой господствующих классов армянского общества, сотрудничавших с монгольскими насильниками.

Озабоченный шатким положением феодального строя, трезвым дальновидным идеологом которого он является, Татеваци гневно бросает в лицо зарвавшимся господам обвинения: «Наши предводители и ишханы, как духовные, так и телесные, самовластно, не советуясь, вершили дела, вследствие чего власть потеряна, страна разрушена, народ наш бежит из страны и рассеивается среди других наций»⁶. За все это ответственны правители и феодалы, давшие волю своей алчности и гордыне. Они забыли,

¹ Гос. Матенадаран, рукопись № 1264, стр. 383а.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 383б.

⁵ Там же.

⁶ Г. Татеваци, Книга проповедей (Летний том), стр. 424.

что должны держать ответ перед грозным судьей, забыли, говорит Татеваци господам и правителям, «что власть вам вверена богом, который спросит за дела ваши и подвергнет суду помыслы ваши, ибо вы исполнители его воли, то-есть не самовластны в ваших делах, а возведены (на троны) по воле господней. И точно так, как ишхан требует ответа у правителя провинции, а староста у землероба, так и всевышний — у ишханов»¹. Он не простит им тех прегрешений и насилий, которые они совершили над народом из своекорыстия и слепой жадности; «...над сильными (мира сего) будет грозный суд, то-есть, как говорит Иезекиил, господь поставил тебя правителем над народом твоим и пролитую тобою кровь его потребую от тебя... И будет над ишханами беспристрастный суд, то-есть возмездие над ними в грядущей жизни»².

Татеваци ничуть не сомневаются в божественном происхождении власти господ. В этом он правоверный защитник феодального правопорядка. Но он не может закрывать глаза на то, как извращается эта власть ослепленными корыстью господами. Он пытается оправдать бога и показать его полную непричастность к происходящим на земле насилиям, преступлениям господ и страданиям народа, ибо бог вверил правителям власть, но одновременно наделил их, как и всех людей, свободной волей. И вот они, забыв об ответственности перед своим небесным сюзереном, бесчинствуют и по собственной воле творят беззакония. И только церковь, по Татеваци, остается верна божественным заповедям и защищает народ от преступных господ. Не имея светской власти, церковь, однако, может выполнить свой долг, если будет бесстрашно, не боясь гнева и гонений со стороны правителей, указывать им их прегрешения и напоминать о грозном суде, где они ответят за все свои преступления.

Ясно, что Татеваци выступает лишь против крайних форм эксплуатации народа, но не против феодального правопорядка. Наоборот, он освящает феодальный строй, считая его вечным и божественным установлением. А та резкая критика, которой он подвергает своевольных ишханов и правителей, свидетельствует о его обеспокоенности за судьбу страны и господствующего в ней феодального строя, расшатываемого неразумными и алчными феодалами. Его смелая критика по адресу господ в сущности сводится к апологетике армянской церкви, являющейся, по его мнению, справедливым и заботливым отцом народа, и объясняется в конечном счете положением армянской церкви, ставшей в пору монгольского владычества, в пору утраты национальной независимости единственным политическим представителем нации.

Татеваци считает, что нельзя непрерывно грабить крестьян, доводить их до положения нищих и бездомных бродяг, ибо они, будучи созданы для телесной жизни, своим трудом кормят общество. Крестьяне и ремесленники больше трудятся, и поэтому они больше всех приносят пользу обществу. Татеваци восхваляет земледелие и крестьян-земледельцев и противопоставляет их бездельникам-феодалам, купцам, ростовщикам и нера-

¹ Г. Татеваци, Книга проповедей (Летний том), стр. 424.

² Там же.

дивым монахам, которые живут «подобно бесплодным деревьям», не принося никому пользы¹. Бичуя праздность и тунеядство господ, утопающих в роскоши, Татеваци с большой симпатией говорит о крестьянах, которые подобно неутомимым пчелам всю жизнь проводят в труде, восхваляет их трудолюбие: «...деловой человек, — говорит он, — подобен плодоносящему дереву, тогда как бездельник похож на бесплодную смоковницу, ... а такой человек противен всем созданиям, ибо все приносят пользу другим»².

Татеваци чуждо пренебрежительное, высокомерное отношение к труду, наоборот, он считает, что человеку для гармонического развития необходимо заниматься как физическим, так и умственным трудом. Такое сочетание может только оздоровить человека. Он пишет: «...мы должны заниматься всякой работой — трудом телесным, добродетелью душевной, образованием умственным. И это по трём причинам, ибо, во-первых, они взаимно полезны и являются отдыхом друг для друга. Подобно тому, как меняя пищу, употребляя то одну, то другую, мы получаем удовольствие, точно так же занимаясь то трудом телесным (физическим), то добродетелью, то учением, человек наслаждается и удовлетворяет свои желания»³. Человек, по Татеваци, рождается голым как телесно, так и духовно и все приобретает потом. И поэтому труд для него является жизненной потребностью, которая отличает человека от животных, получающих от природы все в готовом виде. «Мы приобретаем все потом — святость и знание для души, одежду и другие надобности для тела. Мы созданы такими, что работой и усердием добываем обе вещи: трудом — телесные надобности, добродетелью и образованием — духовные»⁴.

Призыв Татеваци к трудолюбию и предлагаемое им сочетание физического и умственного труда касаются господствующих классов и преследуют одну цель — их оздоровление, искоренение общественных пороков, проистекающих от праздности, жадности и необразованности феодальных владетелей и правителей. Несмотря на свою классовую ограниченность, этот взгляд Татеваци и предлагаемый им выход из создавшегося нетерпимого положения, несомненно, является передовым для своего времени воззрением, ибо наряду с критикой нравов и политики господствующих классов он содержит в себе элемент просветительства, столь чуждый правозверным и реакционным идеологам эпохи феодализма. А глубокая симпатия и сочувствие к трудовым народным массам, прославление труда и крестьянства, как самой полезной части общества, стремление оправдать грехи бедняков их нищенским положением и необходимостью бороться против голодной смерти, придают его социальным воззрениям, несмотря на христианско-церковный характер, в известной мере демократический оттенок.

Исключительный интерес представляет то обстоятельство, что исходной категорией в социально-политической концепции Татеваци является

¹ См. Г. Татеваци, Книга проповедей (Летний том), стр. 107—112 и 117.

² Там же, стр. 109.

³ Там же, стр. 106.

⁴ Там же, стр. 105.

«всеобщее благо», которое, будучи божественным установлением, в равной мере распространяется на всех людей, независимо от их сословной принадлежности. Культивирование всеобщего блага является целью государственной власти и законодательства. Татеваци пишет: «Если кто-либо спросит нас — человек следует законам или же закон следует за человеком? — мы ответим, что законы существуют для человека, подобно тому, как принято говорить, суббота создана для человека. Причем законы следуют за нами, когда мы мудро выбираем их и изменяем. И выбирая в соответствии с временем, мы следуем законам, исполняя их. И мы, и законы всегда следуем за временем»¹. С этой точки зрения законы должны служить благосостоянию общества. В этом отношении они подобны материальным благам, которые также преследуют цель — обеспечить благополучие человека, «ибо не человек создан для материальных тел, а все созданное существует для человека»².

Право, государственные законы — это человеческое, а не божественное установление. Законы, устанавливаемые людьми, должны быть подчинены божественному принципу всеобщего блага. И если они не соответствуют этому своему назначению, искажают существующее положение вещей или устаревают, то люди сами вправе изменять законы, отменять их, создавать новые и таким образом приводить их в соответствие с духом времени и с происшедшими в общественной жизни изменениями. Татеваци пишет: «...законы следуют за временем и время господствует над законами, ибо время может изменить законы»³. Догматическое применение законов приносит общественной жизни только вред, так как время постоянно идет вперед, тогда как законы стоят на месте и устаревают.

«Мы не должны, — утверждает Татеваци, — бездумно исполнять законы, а должны мудро выбирать их и сопоставлять, приводя в соответствие с временем, ибо закон проистекает от (нашей) воли и выбирается разумом и лишь затем мудростью и волей приводится в исполнение»⁴. Исполняться должен только такой закон, который соответствует разуму и ныне существующему положению вещей, а устарелые, заскорузлые нормы права должны отбрасываться или же исправляться. Без этого закон теряет свое служебное назначение, он мешает как отдельному человеку, так и обществу в целом. Закон должен отражать действительность, «ибо как светильник связан с материей, так и закон связан с телесной формой»⁵. Но если эта телесная форма, реальная действительность, меняется с течением времени, то закон сам по себе измениться не может. Его должны в соответствии со временем изменять сами люди.

По Татеваци, было бы еще терпимо, если существующие законы, нуждающиеся в пересмотре и разумном исполнении, добросовестно и беспристрастно применялись бы ишханами и судьями. Но дело в том, что они взятками, пытками или просто по невежеству извращают законы

¹ Гос. Матенадаран, рукопись № 1264, стр. 373а.

² Г. Татеваци, Книга проповедей (Летний том), стр. 644.

³ Гос. Матенадаран, рукопись № 1264, стр. 372б.

⁴ Там же, стр. 373а.

⁵ Там же, стр. 398а.

суд. «Судьи,— пишет Татеваци,— четвероюко искажают суд — по невежеству, из-за взяток, страха и (применения) каленого железа»¹. Таких судей и ишханов, как мы уже отмечали, Татеваци называет ворами и разбойниками, их ждет грозный суд в грядущей жизни². Только лишь при разумном применении законов может восторжествовать справедливость, ибо только разум неподкупен и правдив. «Разум — это бесстыдный и бесстрашный судия, ибо не боится бога, ибо обладает свободной волей; и не стыдится людей, ибо скрыт от них; и не берет взятку, ибо не нуждается в этом; и не является невеждой, ибо зрит постоянно; и поэтому судит истинно и прямо»³. Законы должны применяться разумно, подвергаться суду разума, сличаться с окружающей человека реальной действительностью, приводиться в соответствие с эпохой и лишь затем исполняться. Разум — высший судия в человеческих делах, независимый от бога. А поскольку законы суть человеческое установление, то и их составление и исполнение должны санкционироваться разумом.

Законодательство по своему назначению должно способствовать достижению «всеобщего блага», этого божественного, согласно Татеваци, принципа. Однако законы, издаваемые отдельными царями, великими князьями и правителями, отражают в себе несовершенство человека-законодателя, ибо отдельный человек, каким бы разумом или волей он ни обладал, не может учесть всех конкретных случаев, всего многообразия общественной жизни и верно обобщить это в едином законодательном акте. «Один человек,— говорит Татеваци,— может справиться с делами одного дома, но ему не под силу большое множество домов. Поэтому необходимо большинству собираться в одном месте и находить благо для большинства страны»⁴.

Для руководства страной, тем более для того, чтобы избавиться от плачевных последствий самоуправства царьков и ишханов, нужна единая воля большинства общества. Дела большинства могут быть решены большинством. Таким образом, в этом воззрении Татеваци вновь проявляет себя как передовой для своего времени мыслитель, глубоко обеспокоенный печальной судьбой своей родины и изыскивающий средства для ее возрождения. Причем в выдвигаемом им взгляде содержатся некоторые зерна демократических идей, ибо, в противовес феодальной междоусобице и самоуправству феодалов, Татеваци предлагает общими усилиями взяться за восстановление страны, для чего необходимо большинству населения собираться и сообща решать дела, касающиеся большинства. Однако отнюдь не следует модернизировать Татеваци и думать, что он является каким-то демократом, он опять-таки остается идеологом своего класса, идеологом светских и духовных феодалов Армении. Под большинством, решающим дела большинства, Татеваци подразумевает не народ, не крестьян и ремесленников, а большинство господствующего класса — дворян и духовенство. Народ, по Татеваци, есть лишь объект права.

¹ Гос. Матенадаран, рукопись № 1264, стр. 376б.

² См. Г. Татеваци, Книга проповедей (Летний том), стр. 26, и рукопись № 1264, стр. 383б.

³ Гос. Матенадаран, рукопись № 1264, стр. 376б.

⁴ Г. Татеваци, Книга проповедей (Летний том), стр. 423.

но не субъект. Дело народа — исполнять законы, которые устанавливаются мудрыми представителями господствующих классов.

«Если закон выбирается, то всякий ли вправе изменять законы и религию?»¹ — спрашивает Татеваци. И тут же отвечает, что об изменении религии, основывающейся на священном писании и скрепленной божественным словом, не может быть и речи. Религию не могут (да и не должны осмеливаться) изменить ни личности, ни народ. Что же касается гражданских законов, то их могут изменять мудрецы и предводители, отражающие волю большинства господствующих классов. «А простолудины и слуги должны неизменно выполнять все установленные законы, как религиозные, так и гражданские»².

Таким образом, большинство, выступающее у Татеваци сувереном в решении общественных проблем, является большинством высших сословий, феодалов, духовенства и отчасти состоятельного свободного населения.

В условиях средневековой армянской действительности подобное решение вопроса, несмотря на его классовую ограниченность, несомненно, представляло собою передовой шаг, ибо Татеваци фактически предлагает такую форму правления, которая направлена против деспотизма, против феодальной разобщенности и междоусобицы. Предлагаемая им форма правления отдаленно напоминает конституционную монархию.

Монарх не имеет права, да и не в состоянии, решать вопросы, имеющие общенародное значение. Для того, чтобы провести свою идею и показать ее правомочность, Татеваци снимает с царей, правителей и владетельных князей покров святости. Эти просто-напросто люди, наделенные властью свыше и извращающие божественную волю своей порочностью, алчностью и гордыней.

Татеваци снимает покров святости и с законов, издаваемых правителями. Если законы религиозные, основанные на священном писании, неизменяемы и всегда истинны, то гражданские законы могут и должны изменяться людьми согласно обстоятельствам, ибо они суть человеческое установление и не всегда истинны. Они не могут быть истинными по предопределению.

Выступая против фатализма и идеи предопределения, Татеваци, в частности, пишет: «...кому принадлежат предметы действия, тому принадлежит и само действие, как активное, так и пассивное (действительное и страдательное). Так вот, человеку принадлежат душа, тело и руки, следовательно человеку же принадлежат и дела их, как злые, так и добрые, и поэтому это наши действия, а не предопределения»³. Законы человеческие являются продуктом человеческого творчества; они могут быть истинными или неистинными в зависимости от того, насколько люди правильно отражают действительность, ибо в противном случае «если наше слово по предопределению было бы истинным, то не

¹ Гос Матенадаран, рукопись № 1264, стр. 373а.

² Там же.

³ Г. Татеваци, Книга вопрошений, Константинополь, 1729, стр. 11 (на древнеарм. яз.).

только одно, но вообще все, что бы мы ни сказали, было бы истинным»¹. Развивая свою мысль, Татеваци продолжает: «...если бы существовало предопределение, то неправомерно были бы суд и следствие, законы гражданские, не было бы достойной отплаты за добро и зло, ибо в таком случае (можно было бы сказать), что предопределение насильно заставило совершить это и к предопределению, а не человеку должны относиться и почести и наказания»².

Таким образом, отделив от священных религиозных законов законы гражданские, сняв с последних ореол святости, представив их как сугубо человеческое, земное творчество, Татеваци тем самым обосновывает возможность и необходимость изменения устарелых правовых норм и разумность принципа широкого представительного, а не единоличного монархического ведения законодательной политики. Субъектом права и сувереном у Татеваци выступает не самовластный монарх и феодальный владыка, а народ. Хотя и в силу своей исторической ограниченности Татеваци понимает под народом совокупность высших сословий общества, однако в условиях XIV века, в условиях армянской средневековой действительности выдвигаемая им социальная концепция сильно отличается от церковно-теологических социологических концепций и несомненно является прогрессивным шагом в армянской общественно-политической и философской мысли эпохи феодализма.

В объяснении природы права и общественной функции законодательства Татеваци отходит от традиционного богословского толкования вопроса, а в объяснении существующего бедственного положения Армении вовсе отбрасывает церковную точку зрения и ищет причины политического и экономического упадка страны не в божественном предопределении и возмездии за грехи, а в недостатках ее политической жизни. Подобная концепция в условиях засилия церковной идеологии представляет выдающийся интерес и свидетельствует о том, что и в социально-политических своих воззрениях Татеваци, опять-таки придерживаясь теории «двойственности истины», пытается мыслить независимо от теологии и тем самым фактически уклоняется от служения ей.

Важное место в определении политического лица Татеваци, а также в понимании прогрессивных тенденций его социально-политической концепции, занимает его борьба против татаро-монгольского засилия и идеологической экспансии Ватикана. Борьба эта носила догматическую форму, но в сущности имела сугубо политический характер, ибо, выступая в своих сочинениях с одной стороны против магометанства, а с другой — против католицизма, Татеваци осуждает татаро-монгольское иго, грабительскую политику захватчиков и выступает против экспансионистских планов Ватикана, стремившегося духовно закабалить армянский народ и путем унии отнять у него последнюю опору национальной самостоятельности — автокефальную церковь.

¹ Г. Татеваци, Книга вопрошений, стр. 8.

² Там же, стр. 12.

Как поборник национальной независимости, Татеваци не может примириться с татаро-монгольским игом. Он с глубоким презрением и ненавистью говорит о монгольских захватчиках, как о зверях в человеческом облики, помазанниках дьявола. Разоблачению их варварских и разбойничьих нравов он посвящает несколько глав в своей «Книге вопрошений». Татеваци отстаивает право армянского народа на свои обычаи и законы и выступает против законов, установленных захватчиками. «Закон ваш находится вне всяких законов, а то, что находится вне законов, есть беззаконие, и беззаконие не в силах изменить (наших) законов и не может стать новым законом», — говорит Татеваци¹. Однако, чувствуя неравность сил в борьбе с грозными завоевателями, Татеваци с нотками отчаяния восклицает: «Но кто же даст мне крылья голубиные, чтоб вознестись и улететь от злых властителей и распорядителей нашего народа»².

Если до принятия магометанства татары терпимо относились к религии завоеванных христианских народов, то после принятия ислама они начали устраивать гонения на армянское духовенство, грабить церкви и монастыри, а это в свою очередь вызвало ответную реакцию со стороны армянского духовенства, которое до этого занимало лояльную позицию по отношению к монголам.

Татеваци поднял свой голос против монголо-татарского засилья, тогда как официальная церковь хранила молчание в надежде вновь заслужить милость захватчиков. В определении позиции Татеваци заметную роль сыграло также безвыходное, трагическое положение и умонастроения трудового люда, массами покидавшего свою родину из-за грабежей и насилий, творимых татаро-монгольскими ордами.

Значительное место в социально-политических взглядах Татеваци занимает борьба против политической и идеологической экспансии Ватикана. Ватикан с помощью своих агентов — армянских униторов, сторонников унии с католической церковью — стремился проникнуть в Закавказье, духовно поработить армянский народ, отнять у него тот последний остаток национальной независимости, который оставался в лице автокефальной армянской церкви. По расчетам Ватикана, эта идеологическая экспансия должна была прикрыть те далеко идущие политические цели, которые не удалось осуществить римским папам в отношении Ближнего Востока во время крестовых походов.

Борьба, которую вела армянская церковь в лице патристически настроенной части духовенства коренной Армении, находила поддержку со стороны народных масс и мелких феодалов, тогда как крупные феодалы и высшее духовенство Киликийского армянского государства, предавая интересы народа, шли на уступки Ватикану, составляли различные проекты унии армянской церкви с римской. В случае принятия унии армянский народ, помимо монгольского ига, должен был подвергнуться духовному порабощению со стороны Ватикана и нести еще одно ярмо — иноземное клерикальное иго. Ни демагогическая пропаганда католиче-

¹ Гос. Матенадаран, рукопись № 9247, стр. 226.

² Гос. Матенадаран, рукопись № 1115, стр. 31а.

ских миссионеров, ни обещания римских пап не могли склонить народные массы на сторону католичества. Народ оказывал упорное сопротивление коварным планам Ватикана и видел в лице армянской церкви носителя последних остатков политической независимости.

В конце XIV века, когда унитарская пропаганда была в зените, Григор Татеваци выступил в защиту армянской церкви и армяно-грегорианской ортодоксии. Во многих своих сочинениях он громит догмы католицизма, разоблачает армянских унитаров как предателей своего народа. Своим философским номинализмом он противопоставляется культивируемому Ватиканом реализму. Используя номинализм в целях защиты армянской церкви и дискредитации католичества, он тем самым оказывается в одном стане с такими мыслителями — борцами против реакционного и агрессивного Ватикана, как Пьер Абеляр и Вильям Оккам.

Татеваци предлагал перенести армянский католикосат, во избежание новых козней унитаров, из далекой и потерявшей независимость Киликии в сердце Армении, в Араратскую долину, что и было осуществлено при активном участии его учеников и последователей примерно через 30 лет после его смерти, в 1441 году. Перенесение католикосата из Киликии в Эчмиадзин было завершением развернутого Григором Татеваци наступления против униатства и католического проникновения. Своей энергичной отповедью Татеваци, по выражению его ученика Товмы Мецопеци, принимавшего деятельное участие в перенесении католикосата, «заткнул рот еретикам-диофизитам»¹, т. е. унитарам и папским эмиссарам. После выступления Татеваци унитарская пропаганда пошла на убыль и вскоре вовсе прекратилась.

Патриотическая позиция Татеваци, его стремление опереться на народные массы и использовать их недовольство в борьбе с внешними врагами в условиях полной утраты политической независимости определили собою прогрессивные стороны его социально-политических воззрений.

В трагическую для Армении эпоху Татеваци внес крупный вклад в средневековую национальную культуру, являвшуюся важным компонентом борьбы за независимость армянского народа.

¹ Гос. Матенадаран, памятная запись рукописи № 9247, стр. 401а.